

viewpoint – as a process of accommodation, adaptation of citizens to new conditions of electronic interaction and participation, as a process of political culture learning by the digital society citizen.

Bearing in mind that digital socialization is an accelerating process intersecting with the process of political socialization, we should acknowledge a big potential of digital socialization as a factor of changing the type of political culture. However, change of political culture type in Russia may develop in regressive or stagnation way.

Keywords: *digital socialization, political culture, power transparency, civil society, internetization of policy*

УДК 316.47

РЕУТОВ Евгений Викторович – кандидат социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; reutovevg@mail.ru)

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НЕДОВЕРИЯ В ЛЕГИТИМАЦИИ СОЦИОСТРУКТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Аннотация. Недоверие рассматривается как механизм рационализации общественного сознания, превенции нарушения договоренностей и контрактов, источник формирования сложных и дифференцированных связей в местном сообществе, предохранитель от фрустрационных эффектов злоупотребления доверием. Институционализация недоверия – это создание институциональных (формально и неформально отрегулированных) условий для выражения социальными акторами рационального скептицизма в отношении других акторов, институтов, решений и пр. Процесс институционализации недоверия в местных сообществах связан с изменением концептуального подхода к социальному недоверию, повышением транспарентности деятельности государственных и общественных институтов, поддержкой институционализированных каналов выражения недоверия, реформированием содержания и языка общественного дискурса.

Ключевые слова: недоверие, институционализация, местное сообщество, социоструктурные взаимодействия, легитимация

В наиболее известных концепциях социального доверия не существует единства по поводу его возникновения и даже относительно трактовки самого понятия. Например, А. Гидденс, рассматривая доверие как уверенность в надежности некоторой личности или системы, возводит его к позитивному опыту взаимодействия с ними [Giddens 1990: 34–36]. Н. Луман, разделяя доверие и уверенность, указывает на характерную для доверия ситуацию риска: «Если вы выбираете одно действие, предпочитая его другим, вопреки возможности быть разочарованным в действиях других, вы определяете ситуацию как ситуацию доверия» [Luhmann 1979: 99]. В понимании А. Селигмена доверие выступает механизмом редукции риска в социальных интеракциях, осуществляющихся в ситуации системной неопределенности и кризиса идентичностей [Селигмен 2002: 181]. Э. Усланер отмечает важность predisposedness индивида к доверию: «...доверие – это моральный императив хорошего отношения к другим, даже при отсутствии взаимности» [Uslaner 2002: 99].

Тем не менее, несмотря на эти расхождения, институциональное и межличностное доверие в современном социологическом мейнстриме рассматривается как существенный фактор общественной интеграции, социального самочувствия граждан, эффективности институтов.

Нужно, однако, отметить, что доверие как характеристика социальных отношений является крайне редким случаем в социальной практике. В более или менее сложных социальных системах хотя бы относительным доверием наделяется лишь часть его потенциальных адресатов (людей или институтов), а носителями доверия к ним является лишь та или иная часть сообщества. Доминирование недоверия в социальных отношениях пагубно сказывается на способности сообщества к самоорганизации и дезорганизует систему управления. Но недоверие, имеющее не столько экзистенциальное, сколько рациональное основание и находящее выход в институциональных механизмах сдерживания эгоизма индивидов и корпораций, является неременным условием социальной регуляции.

Одним из первых на значимость недоверия для эффективного функционирования публичных институтов обратил П. Штомпка. В его концепции институционализация недоверия в системе общественного управления рассматривается как ключевой признак демократического устройства и фактор, способствующий росту «спонтанного доверия» на уровне повседневных практик [Sztompka 1998: 19].

Социоструктурные взаимодействия в местных сообществах представляют собой систему институционально и культурно регулируемых и имеющих статусно-ролевой характер коммуникаций между индивидуальными и коллективными субъектами, в процессе которых решаются задачи адаптации частных, групповых и общих интересов. Сформированные на основе как сетевых, так и институциональных контактов, социоструктурные взаимодействия основаны на сложном балансе доверия и недоверия, причем недоверие, так же как и доверие, может выступать их системообразующим фактором. В сетевых взаимодействиях определенный уровень недоверия является механизмом, удерживающим от нарушения договоренностей и контрактов, источником формирования более сложных и дифференцированных связей, предохранителем от фрустрационных эффектов злоупотребления доверием. В институциональных коммуникациях недоверие способствует развитию рефлексии, повышению социально-технологической компетентности гражданина и, как следствие, возможности реализации им функции независимого контроля за деятельностью институциональных структур, в т.ч. государственных и муниципальных органов и учреждений [Реутов, Реутова 2015].

Соответственно, для стабильных и эффективных с точки зрения реализации комплекса частных, групповых и общих интересов социоструктурных взаимодействий, для их регулирования и управления достижение баланса социального доверия и недоверия является принципиальным требованием. В частности, институционализация недоверия является значимым фактором развития рефлексивной культуры населения и новым (для российской политической культуры) основанием легитимации социоструктурных взаимодействий в местном сообществе. Под институционализацией социального недоверия понимается создание институциональных (формально и неформально отрегулированных) условий для выражения социальными акторами рационального скептицизма в отношении других акторов, институтов, решений и пр.

Институционализация недоверия предполагает формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей процесс артикуляции недоверия, а также технологической (социально-технологической) платформы, позволяющей материализовать данный процесс. Данная нормативно-правовая основа исходит из концепций общественного контроля и открытости власти, внимание к которым спорадически проявляется в практике современного государственного и муниципального управления России. Федеральными законами РФ от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятель-

ности государственных органов и органов местного самоуправления» и от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», государственной программой «Информационное общество» (на 2011–2010 годы) заложены основы информирования граждан о ключевых решениях органов государственной и муниципальной власти и общественного контроля за их функционированием. Тем не менее данные законодательные акты, в особенности закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», не сформировали реальные механизмы общественного контроля и, самое главное, оказались не в состоянии обеспечить необходимый уровень рационализации общественного сознания и социальной ответственности в повседневных практиках.

Созданные к настоящему времени технологические платформы, призванные устанавливать общественное мнение и частные инициативы в практику государственного и муниципального управления, например, интерактивные сервисы типа «Активный гражданин» (Москва), «Активный горожанин» (Белгород), «Владимир – это мы» (Владимир) и т.п., могут обеспечить критический по содержанию общественный дискурс, но сами во многом нуждаются в легитимации в силу недостаточной информированности населения об их возможностях и ограниченности влияния на решения принципиальных вопросов жизнедеятельности местных сообществ.

Следует иметь в виду, что организация непосредственной коммуникации граждан и власти на различных электронных платформах не может являться фактором, действие которого автоматически приведет к росту уровня доверия. Упрощение коммуникации далеко не всегда идет параллельно с повышением ее эффективности. Для электронной демократии не менее важными, чем технологические платформы, являются институциональные и социокультурные механизмы, способствующие циркуляции информации в системе управления обществом.

В управлении процессом институционализации недоверия необходимо исходить из роста уровня сетевизации социальной структуры местных сообществ. В соответствии с данной тенденцией можно прогнозировать рост спонтанности в управленческих процессах. Спонтанность в данном случае означает усиление динамики в процессе проведения консолидированного управленческого курса вплоть до отказа от его консолидации (важнейшей предпосылкой к этому стало внедрение проектного управления с его неизбежной дискретностью и приоритетом инструментальных критериев результативности над содержательными); контролируемое или стихийное делегирование официальными структурами полномочий по разработке и принятию решений внешним акторам (как в форме аутсорсинга, так и в виде краудсорсинга); размывание ответственности (иногда до полной утраты субъектности принятия решений).

Следовательно, при институционализации недоверия в местном сообществе необходимо учитывать:

- дифференциацию социальной структуры местного сообщества, размывание границ между системообразующими акторами их интересами (властью, бизнесом, экспертным сообществом и пр.);

- утрату государственными и муниципальными структурами идеологической монополии на формулирование ключевых смыслов социоструктурных взаимодействий, критериев и параметров собственной легитимности; при этом значительный объем соответствующих функций переходит к самоорганизующимся сетевым структурам с ситуативным участием – экспертным группам, интернет-сообществам и т.п.;

- высокую степень актуализации рисков «сваливания» в тотальное недоверие (что может привести к деконсолидации местного сообщества) ввиду домини-

рующей в массовом сознании иррациональности, коммуникационных барьеров между властью и сообществом, а также установки на добровольное отчуждение от общественного дискурса, не позволяющих в полной мере осуществлять взвешенную оценку действий и интересов социальных акторов.

Институционализация недоверия, осуществляемая в целях легитимации всего комплекса социоструктурных взаимодействий в местном сообществе, должна осуществляться по ряду направлений.

1. Изменение концептуального подхода к социальному недоверию.

В организации общественного дискурса по поводу системных для местного сообщества социоструктурных взаимодействий необходимо поступательно проводить идею о дисфункциональности иррационального доверия для гармонизации социальных интересов их акторов. Напротив, рационально (по его основаниям, способам и каналам выражения) организованное недоверие является предпосылкой минимизации рисков социоструктурных взаимодействий (особенно в иерархизированных системах или осуществляющихся по принципу асимметричной реципрокности), общественного контроля над эгоизмом высоко-ресурсных социальных акторов.

В целях обоснования и демаркации данного подхода к социальному недоверию можно предложить понятие «корректное недоверие», основной смысловой нагрузкой которого, помимо собственно недоверия, являются акцентуация плюралистичности социальных интересов, несовпадение тезаурусов социальных акторов, необходимость общественного консенсуса, соблюдение этических рамок в организации общественного дискурса.

Безусловно, ключевым условием реализации данного подхода является достижение определенного уровня рефлексивности коллективного сознания, наличие среди участников местного сообщества достаточно большой группы людей, обладающих способностью к артикуляции частно-общественной проблематики и готовностью транслировать, инициировать и поддерживать дискурс в онлайн- и офлайн-средах. Такого рода рефлексивность формируется в результате действия комплекса факторов, действующих на различных уровнях социума, ключевыми из которых является доступность, плюралистичность и содержательность информации общественно-политического характера, наличие взаимосвязи между общественным дискурсом и принимаемыми решениями и др. Естественно, базовым фактором развития рефлексивности сознания является определенный уровень общей культуры и аналитической компетентности, достижение которого возможно при наличии культурно-образовательной среды, комплиментарной к критическому взгляду на социальную действительность.

2. Повышение степени транспарентности государственных, муниципальных и общественных институтов.

К настоящему времени в местных сообществах благодаря федеральным и региональным стандартам открытости государственного и муниципального управления (об этом шла речь выше) и, прежде всего, развитию технологий социальных медиа и социальных интернет-сетей сформировано коммуникативное пространство общественного дискурса, в т.ч. и по социально значимой проблематике. Однако развитию полноценного общественного контроля за деятельностью публичных институтов препятствуют, с одной стороны, социальная пассивность и некомпетентность большинства участников местных сообществ, с другой — неготовность органов местного самоуправления, муниципальных учреждений, а также многих НКО к раскрытию информации, позволяющей оценить эффективность управления и реализации социальных функций данными субъектами.

Требует совершенствования методология и методика программного и проект-

ного управления, активно внедряемая в практику муниципального управления. Так, опыт участия автора в экспертизе проектов муниципальных программ показывает, что в разрабатываемых документах зачастую формулировки мероприятий имеют предельно расплывчатый характер, в ряде случаев отсутствуют адекватные задачам программ индикаторы результативности, расчет значений данных индикаторов осуществляется по принципу механического приращения, отсутствуют базовые значения индикаторов. И, главное, если текст муниципальных программ, утвержденных нормативным актом (как правило, постановлением администрации), публикуется на официальном сайте органа местного самоуправления, то отчеты по результатам текущего и итогового контроля за реализацией программ являются закрытыми для общественности документами и не могут использоваться как инструменты общественного контроля. Тем самым консервируется ситуация неподотчетности органов власти, отсечения общественности от процесса муниципального управления и ее управленческой некомпетентности (шире – социальной нерелефлексивности).

3. Поддержка институционализированных каналов выражения социального недоверия.

Развитие институционализированных каналов выражения недоверия к результативным аспектам социоструктурных взаимодействий (в т.ч. к принимаемым решениям и персональной структуре местного управления) является существенным фактором повышения доверия к их процедурам и процессу общественного участия в целом.

Если исходить из системообразующей роли органов местной власти и муниципальных учреждений в социоструктурных взаимодействиях в местном сообществе, значимости социальных услуг, оказываемых ими населению, то именно в их отношении в первую очередь должен быть организован систематический мониторинг доверия/недоверия. В данных целях сайты всех муниципальных органов и учреждений должны быть снабжены опциями оценки посетителями сайта эффективности деятельности и доверия к сотрудникам и руководству этих органов и учреждений. Помимо голосования, пользователям должна быть предоставлена возможность обоснования и пояснения данной ими оценки или доверия/недоверия.

Администрациям большей части муниципалитетов следует провести модернизацию официальных веб-сайтов с целью создания на них специализированных ресурсов, позволяющих организовать общественный дискурс о местных и локальных проблемах, механизмах их решения, направлениях развития местных сообществ. Обратная связь на данных ресурсах должна быть организована таким образом, чтобы информация о реакции власти на жалобы и предложения отобразилась в открытом доступе для всех пользователей сайта.

Помимо виртуальных интеракций в системе «местная власть – сообщество», фиксирующих уровень институционального недоверия, необходимо развивать институциональное пространство коммуникации, способствующее критическому осмыслению социоструктурных взаимодействий в местном сообществе. В частности, это могут быть дискуссионные площадки на основе общественных палат муниципалитетов, некоммерческих организаций, местных отделений политических партий.

В подавляющем большинстве муниципалитетов необходима также модернизация такого института общественного контроля, как публичные слушания, которые в настоящее время представляют собой бюрократическую процедуру, при организации которой органами власти целенаправленно минимизируется общественное участие, а их результаты, по большому счету, не налагают на муниципальную власть никаких ограничений.

4. Реформирование содержания и языка общественного дискурса.

Развитие технологической инфраструктуры Интернета, существенно усложнившее контроль местной власти над информационными потоками, привело к появлению огромного числа интернет-изданий и блогов, ориентированных на местную проблематику и использующих для собственной раскрутки социальные интернет-сети. Безусловно, руководствуясь коммерческими соображениями, социальные медиа зачастую не заинтересованы в обсуждении объективно значимых, но не раскрученных тем, а значительная часть представителей блогосферы в немалой мере занята самопрезентацией и самолюбованием. В результате общественный дискурс получает односторонний характер, а блоги, кроме этого, становятся средством сведения личных и клановых счетов.

В принципе барьеры онлайн-коммуникации аналогичны универсальным коммуникационным барьерам, среди которых исследователи выделяют перцептивно-интерпретационные (статусные ошибки, ложная уникальность, самонадеянность), семантические (плохо сформулированное сообщение, различия в интерпретации символов, организационные ошибки), инструментальные (невербальные преграды, режимные барьеры, физические барьеры), эмоциональные (преждевременная оценка, эмоциональная несовместимость) и процессуальные (неумение слушать, потеря информации в коммуникативных циклах), обращая в то же время внимание на то, что адекватное осознание характера барьеров и их причин «создает возможности перцептивной и инструментальной, смысловой, эмоциональной и процессуальной оптимизации коммуникации» [Шилина 2015: 20].

Способы преодоления коммуникационных барьеров видятся, с одной стороны, в наполнении информационного пространства контентом, вызывающим активный интерес у представителей местных и локальных сообществ не столько своей оригинальностью, сколько инклюзивностью применительно к различным уровням социального бытия интернет-аудитории — от личностного до сообщества в целом. Информационный повод в виде местной или локальной проблемы, ситуации, факта должен быть организован с учетом особенностей аудитории, по-разному воспринимающей те или иные темы, с обязательным анализом его социального контекста в категориях типичности, причинно-следственных связей и пр. За счет этого «практический эгоизм» пользователей социальных сетей [Будовская 2011], ориентированных на самопрезентацию и собственные проблемы, может быть трансформирован в вовлеченность в общественную проблематику.

С другой стороны, участникам дискурса необходимо стремиться к снятию семантических барьеров за счет изменения его языка — особенно это относится к властным структурам. В современных управленческих практиках продолжает эксплуатироваться своего рода бюрократический сленг, целенаправленно или непреднамеренно затемняющий смысл общественного дискурса. Такого рода камуфляж не позволяет адекватно оценивать реальные интенции и действия органов власти, официальных учреждений и других институциональных акторов. Другая сторона коммуникации — «простые» интернет-пользователи в основном говорят на другом языке, в котором экспрессивность доминирует над рациональностью. Данные семантические разногласия не позволяют рационализировать коммуникацию без перевода. Стороны, обладающие разным языковым кодом, не могут рационализировать и процесс формирования и выражения доверия или недоверия: они возникают на других — иррациональных — основаниях.

Соответственно, необходимо повышать роль и ответственность медиаторов данной коммуникации: с одной стороны, представителей различных пресс-служб, поставляющих в Сеть официальную информацию, с другой — блогеров, администраторов групп и сообществ и модераторов дискуссий в социальных сетях.

В отношении представителей пресс-служб — это вполне стандартные процедуры обучающих семинаров, самообразование и развитие навыков интерпре-

тации и подачи информации в процессе непосредственной коммуникации. Блоггеры, администраторы групп и модераторы дискуссий — гораздо более трудноуправляемые акторы сетевой коммуникации. Развитие их коммуникационных компетенций регулируется, прежде всего, журналистской и сетевой этикой, имеющей в значительной мере неформальный характер. Тем не менее, помимо спонтанной саморегуляции общественного дискурса посредством коммуникации в социальных сетях, следует использовать более активное офлайн-общение — в виде регулярных неформальных встреч организаторов и модераторов дискурса с целью выработки определенного консенсуса по поводу способов подачи и интерпретации информации.

Реализация данных направлений создает возможность рационализации социоструктурных взаимодействий в местном сообществе, формирования пространства общественного дискурса, персонификации наиболее значимых акторов социальных процессов.

Список литературы

Будовская Ю.В. 2011. Эгоизм как движущая сила пользовательской активности в социальных медиа и социальных сетях. — *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Литературоведение, журналистика. № 2. С. 105-112.

Реутов Е.В., Реутова М.Н. 2015. Недоверие в установках и практиках населения. — *Социс. Социологические исследования*. № 6. С. 126-132.

Селигмен А. 2002. *Проблема доверия*. М.: Идея-Пресс. 200 с.

Шилина С.А. 2015. *Управленческий дискурс как технология коммуникации в системе отношений государства и общества*: автореф. дис. ... д.соц.н. М. 33 с.

Giddens A. 1990. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press. 188 p.

Luhmann N. 1979. *Trust and Power*. Chichester, Toronto: Wiley. 208 p.

Sztompka P. 1998. Trust, Distrust and Two Paradoxes of Democracy. — *Journal of European Social Theory*. Vol. 1. No. 1. P. 19-32.

Uslaner E.M. 2002. *The Moral Foundations of Trust*. Cambridge: Cambridge University Press. 298 p.

REUTOV Evgeniy Viktorovich, Cand.Sci. (Soc.), Professor of the Chair of Social Technologies, Belgorod National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; reutovevg@mail.ru)

INSTITUTIONALIZATION OF DISTRUST IN THE LEGITIMATION OF SOCIAL-STRUCTURAL INTERACTIONS IN LOCAL COMMUNITIES

Abstract. Distrust is considered as a mechanism for rationalizing public consciousness, preventing violations of agreements and contracts, a source of the formation of complex and differentiated links in the local community, a safeguard against the frustration effects of abuse of trust. The institutionalization of mistrust is the creation of institutional (formally and informally regulated) conditions for the expression by social actors of rational skepticism about other actors, institutions, decisions, etc. The process of institutionalizing distrust in local communities is bound with the changing of conceptual approach to social distrust, increasing the transparency of state and public institutions activity, supporting institutionalized channels for expressing mistrust, reforming the content and language of public discourse.

Keywords: distrust, institutionalization, local community, socio-structural interactions, legitimation